

Разделение цензуры и книжной культуры на «светскую» и «духовную» в исторической перспективе: от «Духовного регламента» до «Эпохи цензурного террора»

С. А. Горюнов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
existimator@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается разделение цензуры и книжной культуры на светскую и духовную в историческом контексте. На основании анализа законодательных установлений, касающихся светской и духовной цензуры, в которых проявляется разный уровень строгости отношения к надзору за книжной культурой, автор выдвигает гипотезу о том, что сами обозначенные категории исторически не воспринимались как однопорядковые, а категория «духовное» имела внутреннюю привязку с «сакральному» и рассматривалась с гораздо большей строгостью.

Ключевые слова: светская цензура, духовная цензура, цензурное законодательство, книжная культура, сакральное

Для цитирования: Горюнов С. А. Разделение цензуры и книжной культуры на «светскую» и «духовную»: в исторической перспективе (от «Духовного регламента» до «Эпохи цензурного террора») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 7 (888). С. 159–166.

Original article

Separation of Censorship and Book Culture into “Secular” and “Spiritual”: in Historical Perspective (from the “Spiritual Regulation” to the “Era of Censorship Terror”)

Sergey A. Goryunov

Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
existimator@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical division of censorship and book culture between secular and spiritual spheres. Through the analysis of legislative regulations concerning secular and spiritual censorship, which demonstrate varying degrees of strictness in oversight of secular and spiritual book cultures, the author hypothesizes that these designated categories were not perceived as equal in historical contexts. The category of “spiritual” was internally linked to the “sacred”, and was subject to much greater scrutiny.

Keywords: secular censorship, spiritual censorship, censorship legislation, book culture, sacred

For citation: Goryunov, S. A. (2024). Separation of Censorship and Book Culture into “Secular” and “Spiritual”: In Historical Perspective (from the “Spiritual Regulation” to the “Era of Censorship Terror”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(888), 159–166. (In Russ.)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: СИТУАЦИЯ ЦЕНЗУРЫ

Цензура – это не просто значимый фактор при анализе опубликованного произведения, требующий учета того, что некоторые его элементы могли быть «вымараны» цензором. Цензура – это ситуация, в которой оказывается культура, атмосфера, которой культура была пропитана насквозь и которая создавала пробелы и пустоты в мире книжной культуры, формировала целые пространства невысказанного, погребенного под сукном стола цензора – зоны значимого отсутствия.

В данном тексте мы оставляем за скобками разговор этические оценки цензуры как явления (при всей их безусловной значимости), из-за которых нередко история вопроса выстроена в нарративе «борьбы свободомыслия с угнетателями». Наша задача проще – рассмотреть то, как по соседству с культурой текста зарождалась и обретала институциональные формы «культура цензуры». Обращаясь к прошлому, мы невольно вторгаемся в зону истории, но в нашем случае речь идет именно об истории «культурной», или, вернее будет сказать, «культуральной» (*l'histoire culturelle*) [Бёрк, 2016], так как цензура, всегда вторичная по отношению к цензурируемому, оказывается накрепко «сшитой» с литературой. В связи с этим мы решили представить своего рода набросок к портрету устройства светской и духовной цензуры¹.

«СВЕТСКАЯ», «ДУХОВНАЯ» И «НАУЧНАЯ» ЦЕНзуРА

Деление цензуры (и литературы) на светскую, духовную и научную вполне четко оформилось уже в 1796 году, но не менее важно понять, как это произошло. Можно выделить три основных взгляда на то, какую точку взять в качестве отправной в вопросе возникновения цензуры в России. Так, Г. В. Жирков начинает отсчет со Стоглавого собора, так как по его мнению главы «О учениках» и «О училищах книжных по всем градам» существенно повлияли на реформу «школы» [Жирков, 2001]. Другой точкой отсчета [Шебальский, 1862; Григорьев, 2007] принято считать момент создания Петром I «Духовного регламента» (1721). Напомним, что в нем говорится о том, что Духовная коллегия должна предварительно просматривать «богословские письма» – «нет ли какового в письме оном погрешения, учению православному противного» [Духовный регламент, 1804, с. 98]. Наконец, третья точка зрения, отделяя, по-видимому, формы надзора от

форм институционализации, предполагает, что разговор о цензуре надо начинать с момента ее официального учреждения – 1796 года. Оставив этот спор на усмотрение специалистов по истории, обратим внимание на один значимый, на наш взгляд, момент – откуда бы не вести отсчет в истории цензуры, во всех трех случаях поводом к разговору о надзоре за книжной культурой послужили именно религиозные тексты. К середине XVIII века практика надзора появляется и в отношении светской литературы – например, в указе 1776 года, где «Подтверждается, чтобы в вольных типографиях не было печатано никаких книг: светских – без надзора Академии Наук, а духовных – без дозволения Синода» [Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 года, 1862, с. 9].

В общих чертах мы имеем довольно простую схему (см. схему 1).

Схема 1. Общее деление цензуры на светскую и духовную в середине XVIII века

Этот «дизайн» системы надзора подразумевал и разделение самой литературы на две сферы – духовную и светскую (примечательно, что отделение научной появляется позже). Так, в сенатском указе 31 мая 1780 года, Св. Синод жалуется: «в состоящих при разных светских командах и вольных типографиях печатаются и выходят в публику такие сочинения, кои заключают в себе *Богословские рассуждения*» [Сборник постановлений ... 1862, с. 23]. Вообще, если взглянуть на весь перечень указов и постановлений о цензуре того времени, то мы обнаружим, что подавляющее их число касается именно проблемы пропуска светскими издательствами духовной литературы. Факт, на наш взгляд, говорящий сам за себя.

В 1783 году именным указом типографии уравнены с «фабриками и рукоделиями», в связи с чем им дозволено печатать любые книги. Наблюдение за типографиями поручено Управам Благочиния²,

¹Эд. и далее курсив наш. – С. Г.

²Управами благочиния назывались полицейские участки, в них был пристав уголовных дел, пристав гражданских дел и два ратмана. Устав благочиния или Полицейской. Часть первая [Утвержден в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года]. СПб.: Сенатская тип., 1782. с. 23.

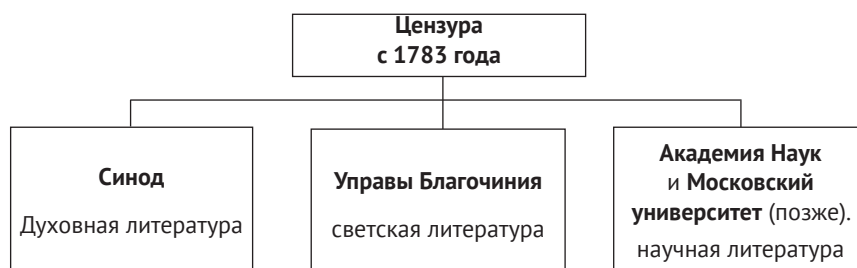

Схема 2. общая структура цензуры с 1783 по 1796 год

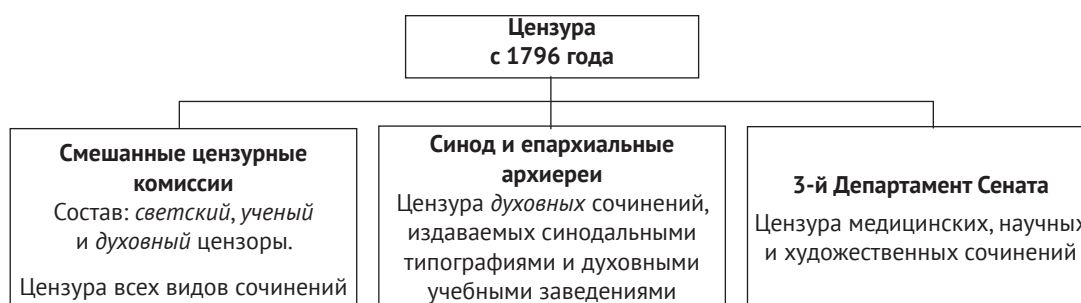

Схема 3. Общая структура цензуры с 1796 по 1802 год

чтобы в печать не попало ничего «противного законам Божиим и гражданским» [Сборник постановлений ... 1862, с. 25]. Вольные типографии трактовали «духовное» и «светское» довольно «вольно», в связи с чем был дан указ Синоду от 1787 года, в котором разъясняется, что право печатать церковные книги «присвоено единственно типографиям духовным», а свобода, которая была дарована вольным типографиям, была неверно истолкована [там же, с. 28]. С целью избежать нарушений московской полиции поручается надзор за светскими типографиями и лавками [там же]. Тем не менее можно подытожить, что с 1783 года в обобщенном виде мы имеем следующее устройство цензуры (см. схему 2).

СОЗДАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ИЛИ «СМЕШАННЫХ» ЦЕНЗУРНЫХ КОМИТЕТОВ

Еще в 1785 году в связи с деятельностью типографии Новикова было принято решение о том, чтобы представитель от духовного ведомства и представитель от светского осуществили совместную ревизию книг, публикующихся в вольных типографиях на предмет того, есть ли в них какие-либо «колобродства, нелепые умствования и раскол» [там же, с. 26–27]. Принцип, примененный в этом прецеденте, лег в основу первых официальных «цензурных комиссий».

В 1796 году последовал именной указ Сенату, запрещающий ввоз зарубежных книг, упраздняющий вольные типографии и учреждающий

официальные цензуры. Печатать допускается лишь те книги, в которых нет «ничего закону Божию, правилам Государственным и благонравию» противного [там же, с. 26]. Вопросы веры вполне входили в компетенции таких смешанных цензур. Новые ведомства состояли из трех «особ» – «одной духовной [от Синода], одной гражданской [от Сената] и одной ученой [от Академии наук]». Такая структура являлась своего рода миниатюрой общей панорамы, что позволяло охватить всю печать независимо от содержания сочинений. Комитеты в основе имели территориальный принцип и по этой причине, вероятно, были организованы универсально. Эту универсальность, к слову, проводили на разных уровнях. Например, в казенных училищах преподаватели также делились на «светских» и «духовных» [Рождественский, 1902, с. 12].

От цензуры в этих смешанных комитетах освобождались лишь книги, которые печатались в типографиях Синода. Впрочем, в указе 22 октября 1796 года «О составлении цензур» говорится дополнительно о медицинской, научной и художественной цензурах, которые должны состоять при 3-м Департаменте Сената. Изобразим новую ситуацию надзора за книжной культурой схематично (см. схему 3).

Смешанные цензуры существовали в «обоих престольных городах», в региональных центрах и при таможенных местах – Москва, Санкт-Петербург, Рига, Одесса и при Радзивилловской таможне.

В 1802 году все цензуры упразднены, а вольные типографии вновь приравнены к «фабрикам и рукодельям» и повсеместно разрешены – меры, принятые Александром I, с целью «освободить» печать «от препон» [Шебальский, 1862, с. 11].

ЭПОХА УСТАВОВ И ВЕДОМСТВ

Отдельной вехой в истории книжной культуры можно обозначить период возникновения полноценного законодательства в отношении цензуры – XIX век, в этом смысле – это век чиновников и бюрократии на марше.

В 1804 году появляется первый Устав о цензуре и печати, передававший цензуру из рук полиции министерству просвещения. В этом уставе духовные книги дозволено печатать только с одобрения Синода. С другой стороны, ради «успехов просвещения» разрешается свободно пропускать «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры...». Тут же и запрет текстов, где содержатся отрывки «явно отвергающих бытие Божие» [Сборник постановлений ... 1862, с. 89].

В 1817 году учреждено объединенное «Министерство духовных дел и народного просвещения», однако просуществовало оно весьма недолго, в частности, из-за недовольства Синода¹. Проект нового цензурного устава, подготовленный министерством, был воспринят Синодом негативно, опять же в связи с проблемой демаркации книжной культуры на «светскую» и «духовную»: «Случилось так, что некоторые его [устава] параграфы *вторгались в область цензуры духовной*, которая относилась к ведению Святейшего синода» [Шевченко, 2003, с. 41–42].

После упразднения объединенного министерства был учрежден знаменитый Д.Д.Д. – «**Департамент духовных дел** иностранных исповеданий», перешедший в ведомство МВД. Инославие, магометанство, иудаизм и др. верования в период существования этого департамента контролировались, в основном, им же. Впрочем, цензура еврейской литературы закрепилась за М.Н.П. (министерство народного просвещения).

ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРЫ ПРИ НИКОЛАЕ I

При Николае I был создан цензурный устав 1826 года. Помимо духовной цензуры, закрепленной за Ведомством Православного Исповедания, появились еще отдельные *цензуры* для книг, которые относятся к «религии католической

¹Арапов Д. Ю., Пономарёв В. П. Департамент духовных дел иностранных исповеданий. URL: <http://www.pravenc.ru/text/171721.html>

(§§ 118–119), униатской (§ 120) и протестантской (§§ 121–123)» [Сборник постановлений ... 1862, с. 155]. Поликонфессиональность культуры в Российской империи предполагала и некоторую регламентацию соседства книг, относящихся к разным религиозным традициям, и 149-й параграф прямо запрещает сочинения, в которых «*под предлогом защиты или оправдания одного из Христианских исповеданий порицается другое*» [там же, с. 165]. Тут, по-видимому, закладывается логика мультикультурной (но вполне имперской) веротерпимости. Не допускались и тексты «стремящимся умалить должное к Христианским добродетелям благоговение», и сочинения «противные добрым нравам» [там же, с. 169].

Впрочем, всё это касалось христианства, а в отношении еврейской литературы некоторый общий тон задается в § 146, где в одном ряду с сочинениями «*магическими*» и «*астрологическими*», служащими «к распространению заблуждения и суеверия», указываются сочинения «*кабалистические*» [там же, с. 166]. 16 глава Устава целиком посвящена еврейским сочинениям. Свободно печатать разрешается только двум категории книг: 1. Книги Священного Писания *без толкований*. 2. Молитвенники, *без прибавления о предметах посторонних*. В § 197 и § 198 отдельно запрещают пропуск еврейских сочинений, направленных против христианства, внушающих ненависть или презрение к иноверцам, противные нравственности и общественному благоустройству, «*позволяющие обманывать христиан*» [там же, с. 177–178]. А вот полемизировать между собой им разрешается: «*Спорные книги между сектами Еврейскими могут быть одобряемы к напечатанию*» (§ 199) [там же, с. 178]. Помимо официальных документов в этот период получают свое распространение и секретные инструкции цензорам [Шебальский, 1862, с. 29]. В силу строгости и одновременной туманности правил устав просуществовал совсем недолго и в культурной среде современников был прозван «чугунным»², этот же термин закрепился уже в дореволюционной литературе по истории цензуры [Рудаков, 1911, с. 21].

ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ ЦЕНЗУРА В УСТАВАХ 1828 ГОДА

В 1828 году, после неудачного устава 1826 года, появляются два устава (отдельные для светской и духовной цензуры). Попробуем рассмотреть характеристики духовной литературы в самом уставе. Согласно § 18 устава о духовной цензуре

²Термин принадлежит С. Н. Глинке, который прочитав новый устав, вернул его Ширинскому-Шихматову со словами «в силу такого чугунного устава не могу быть цензором» (цит. по: [Ботова, 2003, с. 52]).

за ней закрепляются «сочинения, относящиеся до церковного служения»; «жизнеописания Святых»; содержащие «изъяснение целых книг, или частей Священного Писания»; «изложение истин, относящихся к основаниям Христианской Веры, или Религии вообще»; содержащие «изложение, или защищение Христианской Веры»; «догматов Православно-Кафолической Греко-Российской Церкви»; «правил и оснований Христианского нравоучения»; «поучительные слова»; «духовные рассуждения»; «мелкие сочинения и переводы Духовного и Христианского содержания»; книги «относящиеся к церковному управлению, назначаемые к употреблению в Духовных Училищах» [Полное собрание законов Российской Империи, 1830, с. 481–482].

Дробление на более мелкие категории не вносит полной ясности, и даже напротив, § 18 устава духовной цензуры вступает в противоречие со светским уставом о цензуре, в котором в духовную цензуру предписывается направлять лишь сочинения «совершенно духовного содержания», касающиеся догматики и «Священной истории», в то время как тексты, относящиеся «к нравственности вообще» (как и тексты с цитатами из Писания), разрешалось проверять светским цензорам [там же]. Это привело к множеству случаев жалоб со стороны духовной цензуры за пропуск светскими цензорами религиозной литературы. В практике, к слову, были и посягательства на светские сочинения и учебные пособия светских вузов со стороны духовной цензуры (вполне, впрочем, позитивно воспринятые светскими властями). Так, под управлением обер-прокурора, графа Н.А. Протасова, Синод предпринял попытки пересмотреть содержание светских учебников на предмет их согласованности со Священным Писанием. На это откликнулся и министр просвещения Ширинский-Шихматов, предлагая императору изменить направление образования, чтобы «все положения и выводы науки были основываемы не на умственных, а на религиозных истинах, в связи с богословием» [Котович, 1909, с. 492].

Николаевский период — это время, когда происходили тектонические сдвиги во взаимоотношениях «светской» и «духовной» культур. Идеи просвещения, декларируемые повсеместно, в том числе и в преамбуле устава о цензуре («...желая всегда и всеми мерами способствовать успеху истинного **просвещения, вмещающего незыблемым основанием приверженность к Вере и Престолу, охранение добрых нравов** и личной чести каждого, Мы Повелели составить на таковых началах полный Устав о Цензуре...» [Полное собрание законов ... 1830, с. 460]), столкнулись со встречным потоком, ориентированным на религиозный

догматизм и традицию как некий эталон, противопоставленный западным веяниям и вольнодумству. Так, например, князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (стал министром народного просвещения после Уварова) подготовил «руководство цензуре», которое представляло своего рода трактат на гексамерон (шестоднев) [Котович, 1909, с. 492]. Эта борьба с неугодными данными палеонтологии и антропогенеза восходит истоками к § 190 Устава 1826 года, который гласит: «...всякие вредные теории, таковые, как например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном, о мнимом составлении первобытных Гражданских Обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога, и тому подобные, отнюдь не должны быть одобряемы к печатанию» [Сборник постановлений ... 1862, с. 176]. «Бюрократические шестодневы» находили свои литературные отголоски в культуре и спустя 20 лет (вспомним, например «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме» А. К. Толстого: «Способ, как творил Создатель, / Что считал Он боле кстати — / Знать не может председатель / Комитета о печати»).

Именно при Николае I, с момента появления двух отдельных уставов для светской и духовной литературы, пересылка дел между ведомствами стала весьма распространенной практикой. Можно даже сказать, что в мире литературы существовала некая серая зона «in-between», а «пограничные» дела, находящиеся на пересечении светского и духовного и пересылаемые из ведомства в ведомство, могут демонстрировать зыбкость и подвижность «водораздела» между «светской» и «духовной» культурами в николаевское время и отчасти показывать, где этот «водораздел» проходил.

ВЫСШИЕ ЦЕНЗУРНЫЕ КОМИТЕТЫ

Своего рода апогеем истории с разделением надзора за культурой на светский и духовный стало создание в 1848 году высшего цензурного ведомства — так называемого *Бутурлинского комитета* или *Комитета 2-го апреля 1848-го года*, призванного отслеживать «дух и направление печатного слова»¹. Его задачей было повторно просматривать то, что уже было опубликовано. «Я не могу читать все, что у нас печатается, потому за меня будете читать вы: вы будете моими глазами» [Эльяшевич, 1999, с. 223] — эти слова Николая I весьма отчетливо характеризуют как назначение, так и значение «Комитета 2-го апреля 1848-го года». За время своей работы (с 1848 по 1855 год) он успел просмотреть

¹РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. Хр. 1. Л. 7–11.

как минимум 6 336 книг и брошюр, 2 753 журнала, 30 020 газет [Гриченко, 2016], и спровоцировал своей деятельностью 125 циркуляров, распоряжений и постановлений по разным ведомствам [Горбачев, 2010]. Очень скоро Комитет начал пересекать границы светского и духовного и рассматривать книги, пропущенные духовной цензурой. Уже через 3 года, в 1851 году, в связи с поползновениями Комитета 2-го апреля 1848-го года на «территорию» духовной цензуры, обер-прокурор Синода граф Протасов добился того, чтобы «В видах строгого по духу Православной Церкви наблюдения за всеми действиями Духовной Цензуры» Николай I повелел создать при Синоде «секретный же Комитет», в обязанности которого будет входить рассмотрение текстов, пропущенных духовно-цензурными комитетами¹. В общих своих чертах вновь учреждаемое ведомство было копией Комитета 2-го апреля 1848-го года. Новый орган надзора не особенно отличался даже названием – «Комитет 4-го апреля 1851 года»². Так цензура достигла своего апогея при Николае I. При Александре II происходит определенное ослабление цензуры. Уже в 1855 году, сразу после смерти Николая I, барон Модест Корф (на тот момент глава Комитета) пишет записку (от 3 декабря 1855 года) о закрытии Комитета 2-го апреля 1848-го года³, а к 1859-му году закрывается и синодальный высший духовно-цензурный комитет. В целом дальнейшая ситуация с цензурой оказывается разными формами вариации на тему того, что начало формироваться с «духовного регламента» и достигло своего апогея при Николае I в так называемую *Эпоху цензурного террора* [Лемке, 1904].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деление книжной культуры на светскую и духовную оказывается чем-то принципиально значимым

¹РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. Хр. 150. Л. 8–10.

²См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Ед. Хр. 826а, б, в, г. По описи «По предложению Обер-Прокурора Св. Синода, вследствие Высочайшего повеления об учреждении при Св. Синоде Секретного Комитета 4 апр. 1851 года, о рассмотрении сим комитетом книг». Т. 1–4. (соотв. т. I, II, III, IV).

³РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. Хр. 277 Л. 1–6.

в процессе формирования цензурного надзора. Подавляющее большинство указов о цензуре либо прямо посвящены этому вопросу, либо спровоцированы этой темой. Даже при переходе от отдельных указов к уставам о цензуре – эта тема остается ключевой. Было опубликовано всего два общих устава о цензуре – 1804 и 1826 годов. Последний просуществовал всего два года, и уже в 1828 году создаются два отдельных устава для «светской» и «духовной» цензур (такое положение дел сохранится до конца существования Российской империи). Та же ситуация возникла и при создании высшего цензурного «Комитета 2-го Апреля 1848–го года» – уже через три года, в 1851 году, создается аналогичный высший цензурный комитет для литературы духовной.

Светско-духовное деление пропитывало всю культуру. Например, помимо светской и духовной литературы и цензуры, на светское и духовное было поделено образование, музыка, изобразительное искусство (и на самом высоком «этаже» управления находились Сенат и Синод). Но возвращаясь к теме цензуры, отметим, что само возникновение цензуры в связи с темой надзора именно за «духовной» литературой, как и сконцентрированность большинства указов вокруг темы отделения духовной литературы от светской (не нашлось ни одного случая, когда бы светская цензура жаловалась на то, что в духовной цензуре было рассмотрено что-то светское) прямо свидетельствуют о том, что светское и духовное не равнозначные понятия, а разноуровневые категории – духовная литература, на наш взгляд, оказывалась в рассматриваемый нами исторический период на более высоком ярусе культуры, особенно трепетно оберегаемом от любых поползновений со стороны светской цензуры. Вполне можно предположить, что «духовная культура» (как интеллектуальная конструкция) имела тесную привязку к теме «сакрального» / «священного» / «святого», и именно в связи с этим любое пересечение границы со «светской» стороны воспринималось очень остро и болезненно, буквально с библейской строгостью: «не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3:5).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2016.
2. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX в.: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Шебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862.
4. Григорьев С. И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007.
5. Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1804.

6. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: Тип. Морского министерства. 1862.
7. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902.
8. Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: ТРИ КВАДРАТА, 2003.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. III. 1828. От № 1677 до 2574. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии. 1830. С. 481–482.
10. Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855). СПб.: Типография Родник, 1909.
11. Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917 гг. СПб.; Иерусалим: Изд-во Гешарим, 1999.
12. Гриченко Н. А. Комитет 2 апреля 1848 года и Императорская Публичная библиотека // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы VI Международного научного семинара/ Москва, 9 ноября 2016. Минск: Центр. Науч. Библ. НАН Беларуси ; М.: Наука РАН, 2016.
13. Горбачев И. Г. Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX веков (Историко-правовое исследование). Казань: Универсум, 2010.
14. Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Санкт-Петербург: Типография товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1904.

REFERENCES

1. Burke, P. (2016). Chto takoe kul'tural'naya istoriya? = What is Cultural History? Moscow: Izd. dom «Vyshej shkoly ekonomiki». (In Russ.)
2. Shebal'skij, P. K. (1862). Istoricheskie svedeniya o cenzure v Rossii = Historical Information about Censorship in Russia. St. Petersburg: Tip. F. Persona. (In Russ.)
3. Zhirkov, G. V. (2001). Istoriya cenzury v Rossii XIX v. = History of censorship in Russia in the 19th century: Textbook. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
4. Grigor'ev, S. I. (2007). Pridvornaya cenzura i obraz Verhovnoj vlasti (1831–1917) = Court Censorship and the Image of Supreme Power (1831–1917). St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)
5. Duhovnyj reglament (1804) = Spiritual Regulation Moscow: Sinod. Tip. (In Russ.)
6. Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po cenzure s 1720 po 1862 god (1862) = Collection of Resolutions and Orders on Censorship from 1720 to 1862. St Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva Publ. (In Russ.)
7. Rozhdestvenskij, S. V. (1902). Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902. = Historical Review of the Activities of the Ministry of Public Enlightenment. 1802–1902. St. Petersburg: M-vo nar. prosveshcheniya. (In Russ.)
8. Shevchenko, M.M. (2003). Konec odnogo velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nyh reform = The End of a Greatness: Power, Education, and Printed Word in Imperial Russia on the Eve of the Liberation Reforms. Moscow: TRI KVADRATA. (In Russ.)
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. T. III. 1828. Ot № 1677 do 2574. (1830) = Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. III. 1828. From № 1677 to № 2574 (pp. 481–482). St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. (In Russ.)
10. Kotovich, A. N. (1909). Duhovnaya cenzura v Rossii. 1799–1855 gg. = Spiritual Censorship in Russia. 1799–1855. St. Petersburg: Tipografiya «Rodnik» Publ. (In Russ.)
11. El'yashevich, D. A. (1999). Pravitel'stvennaya politika i evrejskaya pechat' v Rossii, 1797–1917 gg. = Government Policy and Jewish Press in Russia, 1797–1917. St. Petersburg ; Jerusalem: Izd-vo Gesharim. (In Russ.)
12. Grichenko, N. A. (2016). Komitet 2 aprelija 1848 goda i Imperatorskaia Publichnaia biblioteka = Committee of the April 2nd, 1848 and the Imperial Public Library. Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiia: materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. Moscow, 9 noiabria 2016. Минск: Tsent. Nauch. Bibl. NAN Belarusi ; Moscow: Nauka RAN. (In Russ.)
13. Gorbachev, I. G. (2010). Institut tsenzury v Rossiiskom zakonodatel'stve XVI–XIX vekov (Istoriko-pravovoe issledovanie) = Institute of Censorship in Russian Legislation of the 16th–19th Centuries (Historical and Law Research). Kazan': Iuniversum. (In Russ.)

14. Lemke, M. K. (1904). Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya = Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud». (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горюнов Сергей Айказович

научный сотрудник

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goryunov Sergey Aikazovich

Research Fellow

Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.03.2024
29.04.2024
06.05.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication